

Василий Иванович Немирович- Данченко

Степан Груздев

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Степан Груздев**

Первое время плена Степана Груздева держали в колодках, на цепи. Солдат всё это выдерживал спокойно, вызывая уважение хозяина Гассана. Когда, наконец, сняли железо с пленного, — ширванец начал работать около дома, облегчая таким образом каторжный труд лезгинских женщин. Тем не менее долго ещё по ночам его приковывали, так что, смеясь, он сам себя называл Валеткой и считал, что у лезгин он находится «на пёсьем положении». Часто в бессонные ночи, приподымаясь на локтях, он вспоминал недавнее прошлое и с добродушным юмором отзывался, что азиаты накрыли его «силками», как перепела. И действительно: Степан Груздев был страстный охотник; его отпускали из Всесвятского укрепления на несколько дней, и всякий раз он возвращался домой, едва передвигая ноги под тяжестью набитой им дичи. Случалось ему приносить и джейрана и части кабана. В одну из таких охот он устал и заснул в лесу под громадным дубом, на толстых суках которого повесил ружьё, патронташ и, в предосторожность от чекалок, — целую вязку всякой птицу. Жара его так сморила, что в прохладе

молчаливого леса он лежал, как убитый. Только к вечеру Степан проснулся и глазам не поверил. Хотел было их протереть, но руки его оказались к колышкам привязаны. Встать нельзя, — ноги спутаны. Он приподнял голову, — невдалеке горел костёр, и в багровом его зареве Груздев рассмотрел горбоносые лица со встопорщенными бровями, бритые лбы и крашенные бороды.

— Эй вы! — крикнул он им, воображая, что над ним подшутили мирные лезгины.

Но тут ему совершенно неожиданно пришлось опять упасть навзничь.

Какой-то пожилой горец подошёл к нему, прицелился в упор и проговорил ломанным языком:

— Кричал иок. Яман будет. Башка кончал.

— Да вы, черти, что это? — уже потише, примирительным тоном заговорил Степан.

Лезгин снял путы у него с рук. Степан заметил, что ноги ему связали обыкновенным конским треногом. Едва передвигая их, он подобрался к костру.

— Что ж теперь будет, кунак?

— Мой кунак — иок. Мой твой Салты тас-

кал, деньга брал.

Груздеву даже смешно стало, и он засмеялся.

— Баранья башка! Какой за солдата выкуп тебе, разбойнику. У нашего царя таких, как я, не перечесть. На всякого выкупу не наберёшь... Получай два абазы [1] на своё счастье!

Лезгины слушали его, ничего не понимая.

— Твой офицер или Иван?

Иванами они называли солдат.

— Иван, Иван!

Те начали что-то болтать по-своему.

Степан Груздев заметил, что над костром жарится убитая им дичь и вынул из кармана соль.

— Хлеб да соль!

Лезгины обрадовались. Соль считалась драгоценностью в горах.

Поужинали и, как только взошёл месяц и облил густые вершины леса серебряным светом, лезгины поднялись, привязали Груздева за шею к поводу, скрутили ему руки назад и растреножили ноги. До утра им надо было уйти в горы, и только тут ширванец понял, что он в плену. Горевать, впрочем, ему было неко-

гда. За горскими конями приходилось чуть ли не бежать на крутые въезды; когда он приостанавливался, его стегали по плечам нагайкой, и раз даже старый тогда Гассан ударил его слегка кинжалом в спину. Колючки истерзали пленному ноги, крутые и острые кремни горного ската впивались в них, и скоро из ступней показалась кровь. Сапоги, как величайшую, редкую в горах, драгоценность, лезгинины с него сняли.

— Ну, делать нечего... Пропадать, видно, душе христианской! — и он уже решительно лёг на землю.

Лезгин дёрнул коня, повод натянулся, и солдат чуть не задохнулся в петле, но выдержал и не поднялся с земли.

— Кончай башку, шайтан треклятый! — ругался он.

Нагайка из сыромятного ремня заходила по его телу. Груздев лежал пластом.

Гассан приставил дуло пистолета к его виску. Степан начал читать молитву:

— «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных».

А потом, тихо уже, проговорил, словно про

себя:

— Со святыми упокой. Со святыми упокой.
Со святыми упокой!

Дуло отделилось от его виска.

Лезгины сошлись около, залопотали что-то по-своему, осмотрели его ноги и тело и опять начали переговариваться. Дело кончилось тем, что на коня, который оказывался посильнее других, посадили Степана; лезгин, севший позади его, крепко держал Груздева, точно боясь, что пленник даже истерзанный, убежит от него. Прячась по горным трущобам, останавливаясь во рвах и оврагах днём и выезжая в путь только ночью, лезгины через неделю вернулись домой и сдали солдата своим бабам.

Появление русского в ауле подняло всех на ноги.

Тяжёлые дни переживал бедный ширванец.

Старухи, детей которых в бою убили русские, нарочно прибегали в саклю к Гассану, чтобы плевать в лицо связанному солдату. Одна впилась в его щёки острыми когтями и ободрала ему кожу. Взбешённый Груздев

вскочил на ноги, откуда сила взялась, — верёвка, связывавшая ему руки, оборвалась, и бешеная ведьма вверх ногами полетела вниз по лестницам аульной улицы.

Груздев остервенел, он кинулся на других, крича во всё горло:

— Убей, а не мучь!

Прибежал Гассан, выгнал баб и запер саклю, где был Степан. Теперь аульные старухи приходили клясть его в окна, но он уже не обращал на них внимания или отругивался по-своему. Когда он жаловался на цепь, Гассан ему говорил:

— Ты не должен оскорбляться этим: если бы ты был женщиною или рабом, мы бы тебе предоставили свободу, а вольного человека можно удержать в плену только железом.

Потом, впрочем, к нему привыкли и сняли с него цепь. Точно оправдывая мнение горца, он попробовал было уйти, его поймали. Надрезали ему пятку, положили в рану рубленного конского волоса и забили ноги в колодки. Когда надрезы зажили, колодки сняли, но Груздев мог уже двигаться только на носках. Через год ему уже совсем вылечили ноги; он

стал работать на хозяина, философски решив, что так значит тому и быть, а придётся ему век свековать в этом горном ауле у азиатов... Он даже подружился с Селтанет, приносившей ему по вечерам чашку с хинкалом [2] и другую с чесночным соусом. Он пел ей русские песни, а оставаясь один, случалось, даже плакал, вспоминая далёкое село на Оке, ракиты, поросшие вокруг и старую избу с завалинкой, на которой сидит теперь его одряхлевший отец и ждёт не дожждётся весточки о сыне.

Сегодня после ссоры на джамаате ему было особенно тяжело.

Он вышел из своей лачуги и между камнями сел над обрывом в бездну, где гремел и бесился поток. Ветерком веяло с севера. С родимой стороны тянуло, и старому солдату чудилось, что пахнет спеющей озимью, тяжело осевшими к земле хлевами равнинного села.

Степан Груздев вздохнул и проговорил про себя: «Эх, ты доля долюшка!»

Отовсюду веяло дикою мощью.

Вон в чаще движется какая-то точка.

Степан уже привык к далёким расстояни-

ям, он различил серого чеченского коня, всадника в мохнатой бурке и бурой папахе. За ним другой, третий, четвёртый. На скате противоположной горы другие, такие же всадники. А там ещё и ещё. Со всех аулов спускаются вниз, сюда, в Салты.

«Почуяли праздник, — соображает солдат. — Даровых баранов жрать! Теперь налопаются бузы, станут песни петь да бахвалиться. Погоди! Доберутся до вас наши ширванцы: насыплют вам соли на хвост, долго, оборванцы, не забудете... А впрочем, народ ничего: храбрый народ. Бунтуют ежели, так сдуру. Забрался на вышки и думает, что здесь его рукой не достанешь. Небось, и не таких побеждали. Руки не хватит, — штыком нащупаем. А народ, надо правду сказать, — воин; коли бы им настоящее понятие, хорошие бы солдаты были. Теперь баранов режут — глядь, и мне лопатка достанется. На этот счёт у них благородно. А что работать заставляют, так ведь даром-то поди и чирей не вскочит. Вот только зелёная мулла ихняя, тоже лопочет: „Махнутке нашему поклонись“. Нашёл кому! Такой же гололобый был. Да у нас в полку Махнут-

ку-то ихнего на задний редант поставили бы в слабосильную команду».

— Селям, Селям! — послышалось за ним.

— Навалило чертей! — встретил двух мулл с переводчиками и муталлимами Степан Груздев. — Ну, чего ещё?

— Да просветит твоё сердце Аллах!

— У нас, брат, свой Аллах есть, почище вашего будет.

Ибраим-мулла указал место на гладком камне, муталлим разостлал ему коврик. Мулла Керим сделал то же. Оба сели и начали поглаживать бороды. Степан Груздев смотрел на горских духовных недоброжелательно. Очень уж надоели они ему.

— Твоя Иван, — заговорил Керим по-русски, — слушай, что его, большой мулла, говорил.

— Понапрасну стараться станете! Я бы вам сказал словечко, да не стоите вы.

— Ты ему передай, — важно обратился Ибраим-мулла к переводчику, — что скоро наш благословенный Султан, меч веры, огонь Аллаха, спалит всех неверных и уничтожит их, что уже готовы тьмы аскеров, истинных тиг-

ров пророка. От их рыкания вздрогнула все-
ленная. Тысячи кораблей, каждый больше
этой горы, стоят в Золотом Роге и ждут только
мановения руки Султана. По слову Аллаха
сбудется. Мы построим у них везде мечети.

— Ты ему скажи-ка, — заговорил Степан, —
что в Казани я стоял, новобранцем ещё, с пол-
ком; там добре много мечетей этих. А тамош-
няя татарва больше мылом торгует. А насчёт
солдат ихних — так наши нисколечко их не
боятся. Есть у нас капитан Шерстобитов, так
он один со своею ротою, гарнадерская у ево
рота, вашего султана повоюет и разнесёт, как
жидовскую перину. Только пух полетит. Ты
ему, дураку, гололобому объясни по душе: ко-
ли я здесь один, да всех вас не боюсь, так как
же матушка Россея турки ихней испугается.
Эх, вы! Одно слово Азия необразованная. Пол-
ковник Клюквин, теперь его возьми — ужели
же он да вашего султана не осилит. Даст сиг-
нал: рассыпьтесь молодцы за камни, за кусты
по два в ряд!

— Ты переведи ему, — важно продолжал
мулла, — пускай он, пока ещё есть время,
примет нашу веру.

— Господи упаси!

— Мы его назначим бим-башею.

— Это ещё что за чин?

— Большой начальник, значит.

— Вот оно! Хороши у вас войска, когда вы простого солдатишку в большие начальники зовёте. Нашли, чем смущать. Нет, брат, здорово разнесём мы вас, только суньтесь. У нас так: как скомандуют «на руку — ура», так мы хоть кого хочешь слопаем. Бим-башей тоже. Эх, рухлядь!

— Пусть он каждый день приходит в мечеть. Я буду его много, много учить, пока Аллах не просветит его разум.

— И внимания не возьму. Чтобы я, рядовой третьей роты Ширванского полка да стал к тебе ходить! И с чего это тебе в башку влезло.

— Не хочет он в мечеть ходить, — передал переводчик.

— Тогда его на цепь посадят, будут конопляными лепёшками кормить.

— Всего, брат, попробовал. Не испугаешь. Разве что голову срубите, — ваше дело, а на плечах останется — сами набейте ордой просить аману. Скажи ему, что скоро придут

сюда наши ширванцы, и от всего разбойного гнезда здешнего и мусорной кучи не оставят. Ровно будет. Точно никто никогда здесь и не жил. Поняли, гололобые?

— А почему ты знаешь, что русские придут сюда?

— Чудак человек, да как же им не прийти сюда, если капитан Шерстобитов скомандует: «Скорым шагом марш». Небось и не на такие вышки вскочишь. Ты ему, умница, разъясни, что ежели барабанщик да горнисты заиграют наступление, так там никак нельзя не идти. Хоть в лоб, а пойдём. Таковую мы присягу принимали.

— Мы вас всех сверху перестреляем.

— Что ж, бывало и это. Роту перестреляете, — вторая за ней; а там и третья готова. У нас народу много, побольше чем у вас пуль. Тут вам и крышка будет.

— А ежели я на джамаате скажу, чтоб тебе голову отрубили?

— Кончал башка по вашему? Много доволен. Помирать-то надо каждому. Не очень-то уж сладка жизнь у вас здесь. Только он пуцай сначала Гассану за меня калым запла-

тит. Я знаю, на это у вас адат есть. Ну, а запла-
тил, — твоя воля, тешь свою душеньку; коли
есть на это твоё такое произволение. Так ему
и передай, и пущай он уходит к себе, потому
надоело мне с ним разговоры разговаривать!
Всё равно умного ничего не услышишь, а ду-
ростью вашей я уж довольно по горло сыт.
Шли бы вы, старички, с Богом, а не то я уйду.
Сидите себе здесь на камени, мне и то пора
Гассану айран готовить.

И Груздев спокойно встал и пополз вверх в
саклю своего хозяина.

1902

Примечания

Абаз — 20 коп.

[^^^]

галушки.

[^^^]